

ВОСПОМИНАНИЯ

Как я научилась плавать

Когда началась война, моя мама работала на кондитерской фабрике рабочей. Мужчины в семье не было, и позаботиться о семье было некому. А нас у мамы было трое. Дирекция фабрики записала маму в народное ополчение, выдала винтовку, определила посты по периметру фабрики и уехала в эвакуацию на восток. На ночь мама отводила детей и бабушку к соседям в бомбоубежище, а сама уходила дежурить.

В городе появились фашистские лазутчики-сигнальщики. Они сигналили немецким самолетам, и те сыпали бомбы точно на заводы и фабрики. Мамина фабрика была прямо за забором нашего огорода, и мы каждую ночь со страхом ждали бомбежек и боялись, что на наш дом упадет бомба. Но со временем мы, детвора, как-то привыкли к бомбежкам и стали потихоньку от взрослых выходить на улицы.

Однажды в тихий жаркий день старшие дети собрались на речку искупаться, река была совсем рядом. Увязались со старшими и мы с подружкой Лидой моих лет — я только закончила 1 класс. От старших ребят мы отстали и, когда пришли на реку, увидели, что старшие ребята сидят на обрыве реки. Подойдя ближе, мы поняли, почему никто не купается:

на берегу стояли зенитки, рядом с ними ходили солдаты. Они не пустили ребят на мелководье, так как самолеты прилетают бомбить город именно со стороны реки. Спрятаться на берегу было негде. Пока солдаты нам это разъясняли, некоторые все-таки влезли в воду. В этом месте стояли немецкие мотоциклисты и поливали все вокруг пулеметным огнем.

Мы с бабушкой добежали до какой-то ямки; помню ее дыхание и ее тело, прижимавшее меня к земле. Потом я впервые увидела близко живого немца. Он стоял у нашей калитки, большой, рыжий, в зеленой форме, с огромными ботинками на шнурках, и играл на губной гармошке. Держа на руках брата, я во все глаза смотрела на него. Он зашел во двор, протянул брату конфетку колесиком, что-то сказал и вышел со двора. На следующий день он пришел снова и потребовал у тети кур, яиц, масла, молока. Кроме трех кур и петуха, у тети ничего не было. Немец выловил двух кур, на другой день — петуха и последнюю курицу. Обшарил сени и сарай, убедился, что больше ничего нет, и больше не приходил.

Скоро немцы выпотрошили у жителей все съестное и оставили картошку на полях да свеклу. Этим мы и питались.

Долгая дорога к маме

На дежурстве маму контузило, и она попросила мою старшую сестру 14 лет и ее подружку такого же возраста привести меня и брата домой. Мы вышли из тетиного дома в Ути на заре, в 4 часа утра. Тетя наказала нам идти не по шпалам, не выходить на шоссе, а по тропинке — так менее опасно. По шоссе немцы постоянно двигались, а железнодородное сообщение еще налажено не было. Братика Сашу мы по очереди несли на руках. Где-то в середине пути мы остановились около дома железнодородного обходчика. Добрые женщины — жена и мать обходчика — вынесли нам немного хлеба и воды. Они долго сетовали на то, что мы отправились без взрослых в такой путь. Они предупредили, что немцы разезжают на дрезине и переписывают всех, кто живет вдоль дороги.

Мы побрели дальше. Вдруг услышали, как что-то грохочет по рельсам. Мы побежали к канаве, где из-под насыпи виднелась труба. Залезли в эту трубу, там было темно и грязно, к тому же сыро — протекал ручей. Саша никак не хотел туда залезать, мы затащили его силой, сестра зажала ему рот, чтобы не кричал. Это и спасло нас от встречи с немцами.

Потом мы помыслили в ручье и

три месяца они добирались до Гомеля. У Валеры была такая дистрофия, что мы уже и не надеялись его спасти. Моего маленького братика Сашу мать изредка кормила грудью, она стала прикладывать к груди и Валеру.

В городе появились наши военнопленные. Их разместили частично в цехах нынешней трикотажной фабрики «8 Марта», но боль-

не было. Солдат этот звался Иваном Вавиловым, родом из Астрахани, лет ему было 35-40, и мы, дети, звали его дядей Ваней. Поселился он у соседки на чердаке вместе с ее мужем Федором, которого не призвали в армию по болезни. Мужчины днем находились на чердаке, боялись быть обнаруженными, а ночью спускались

не было. Солдат этот звался Иваном Вавиловым, родом из Астрахани, лет ему было 35-40, и мы, дети, звали его дядей Ваней. Поселился он у соседки на чердаке вместе с ее мужем Федором, которого не призвали в армию по болезни. Мужчины днем находились на чердаке, боялись быть обнаруженными, а ночью спускались

Мария Абрамовна Шведова решила написать воспоминания собственного детства. Не для печати. Для собственной семьи, для внуков, правнуков. Но нам кажется, что пережитое маленькой семилетней девочкой в годы войны представляет интерес для читателя. В этих воспоминаниях нет ни батальных сцен, ни героических поступков. Просто маленькие эпизоды, из которых складывалась жизнь...

ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Фото из архива.

битые каски.

Мы с бабушкой пробежались по окопам, но ни одного раненого не нашли. Потом деревенские женщины сказали, что там находился госпиталь, и всех раненых увезли.

Не помню уже, что мы там нашли, но вдруг услышали стрекот мотоциклов. По высокой ржи ехали немецкие мотоциклисты и поливали все вокруг пулеметным огнем.

Мы с бабушкой добежали до какой-то ямки; помню ее дыхание и ее тело, прижимавшее меня к земле. Потом я впервые увидела близко живого немца. Он стоял у нашей калитки, большой, рыжий, в зеленой форме, с огромными ботинками на шнурках, и играл на губной гармошке. Держа на руках брата, я во все глаза смотрела на него. Он зашел во двор, протянул брату конфетку колесиком, что-то сказал и вышел со двора. На следующий день он пришел снова и потребовал у тети кур, яиц, масла, молока. Кроме трех кур и петуха, у тети ничего не было. Немец выловил двух кур, на другой день — петуха и последнюю курицу. Обшарил сени и сарай, убедился, что больше ничего нет, и больше не приходил.

Скоро немцы выпотрошили у жителей все съестное и оставили картошку на полях да свеклу. Этим мы и питались.

Долгая дорога к маме

На дежурстве маму контузило, и она попросила мою старшую сестру 14 лет и ее подружку такого же возраста привести меня и брата домой.

Мы вышли из тетиного дома в Ути на заре, в 4 часа утра. Тетя наказала нам идти не по шпалам, не выходить на шоссе, а по тропинке — так менее опасно. По шоссе немцы постоянно двигались, а железнодородное сообщение еще налажено не было. Братика Сашу мы по очереди несли на руках. Где-то в середине пути мы остановились около дома железнодородного обходчика. Добрые женщины — жена и мать обходчика — вынесли нам немного хлеба и воды. Они долго сетовали на то, что мы отправились без взрослых в такой путь. Они предупредили, что немцы разезжают на дрезине и переписывают всех, кто живет вдоль дороги.

Мы побрели дальше. Вдруг услы-

шали, как что-то грохочет по рельсам. Мы побежали к канаве, где из-под насыпи виднелась труба. Залезли в эту трубу, там было темно и грязно, к тому же сыро — протекал ручей. Саша никак не хотел туда залезать, мы затащили его силой, сестра зажала ему рот, чтобы не кричал. Это и спасло нас от встречи с немцами.

Потом мы помыслили в ручье и три месяца они добирались до Гомеля. У Валеры была такая дистрофия, что мы уже и не надеялись его спасти. Моего маленького братика Сашу мать изредка кормила грудью, она стала прикладывать к груди и Валеру.

В городе появились наши военнопленные. Их разместили частично в цехах нынешней трикотажной фабрики «8 Марта», но боль-

не было. Солдат этот звался Иваном Вавиловым, родом из Астрахани, лет ему было 35-40, и мы, дети, звали его дядей Ваней. Поселился он у соседки на чердаке вместе с ее мужем Федором, которого не призвали в армию по болезни. Мужчины днем находились на чердаке, боялись быть обнаруженными, а ночью спускались

не было. Солдат этот звался Иваном Вавиловым, родом из Астрахани, лет ему было 35-40, и мы, дети, звали его дядей Ваней. Поселился он у соседки на чердаке вместе с ее мужем Федором, которого не призвали в армию по болезни. Мужчины днем находились на чердаке, боялись быть обнаруженными, а ночью спускались

Дядя Ваня

Вскоре после нашего возвращения в оккупированный город к нам из Львова пришла двоюродная сестра Евдокия с маленьким сыном Валерой на руках. Муж Евдокии Михаил служил кадровым офицером во Львове, где и застала его война. Михаил отправил жену поездом домой в Белоруссию. Поезд попал в бомбежку, уцелевшая пассажирка, в том числе и моя сестра с сыном, побрели пешком. Почти

шесть месяцев добирались до Гомеля. У Валеры была такая дистрофия, что мы уже и не надеялись его спасти. Моего маленького братика Сашу мать изредка кормила грудью, она стала прикладывать к груди и Валеру.

В городе появились наши военнопленные. Их разместили частично в цехах нынешней трикотажной фабрики «8 Марта», но боль-

не было. Солдат этот звался Иваном Вавиловым, родом из Астрахани, лет ему было 35-40, и мы, дети, звали его дядей Ваней. Поселился он у соседки на чердаке вместе с ее мужем Федором, которого не призвали в армию по болезни. Мужчины днем находились на чердаке, боялись быть обнаруженными, а ночью спускались

не было. Солдат этот звался Иваном Вавиловым, родом из Астрахани, лет ему было 35-40, и мы, дети, звали его дядей Ваней. Поселился он у соседки на чердаке вместе с ее мужем Федором, которого не призвали в армию по болезни. Мужчины днем находились на чердаке, боялись быть обнаруженными, а ночью спускались

не было. Солдат этот звался Иваном Вавиловым, родом из Астрахани, лет ему было 35-40, и мы, дети, звали его дядей Ваней. Поселился он у соседки на чердаке вместе с ее мужем Федором, которого не призвали в армию по болезни. Мужчины днем находились на чердаке, боялись быть обнаруженными, а ночью спускались

не было. Солдат этот звался Иваном Вавиловым, родом из Астрахани, лет ему было 35-40, и мы, дети, звали его дядей Ваней. Поселился он у соседки на чердаке вместе с ее мужем Федором, которого не призвали в армию по болезни. Мужчины днем находились на чердаке, боялись быть обнаруженными, а ночью спускались

не было. Солдат этот звался Иваном Вавиловым, родом из Астрахани, лет ему было 35-40, и мы, дети, звали его дядей Ваней. Поселился он у соседки на чердаке вместе с ее мужем Федором, которого не призвали в армию по болезни. Мужчины днем находились на чердаке, боялись быть обнаруженными, а ночью спускались

не было. Солдат этот звался Иваном Вавиловым, родом из Астрахани, лет ему было 35-40, и мы, дети, звали его дядей Ваней. Поселился он у соседки на чердаке вместе с ее мужем Федором, которого не призвали в армию по болезни. Мужчины днем находились на чердаке, боялись быть обнаруженными, а ночью спускались

не было. Солдат этот звался Иваном Вавиловым, родом из Астрахани, лет ему было 35-40, и мы, дети, звали его дядей Ваней. Поселился он у соседки на чердаке вместе с ее мужем Федором, которого не призвали в армию по болезни. Мужчины днем находились на чердаке, боялись быть обнаруженными, а ночью спускались

Мария ШВЕДОВА.